

УДК 94(470.5)"18":929
МРНТИ 03.23.55
DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.101(1).25

Мукашев Б.А.

Западно - Казахстанский университет им. Махамбета Утемисова, Уральск, Казахстан
Автор-корреспондент: bulat-mukashev@mail.ru

E-mail: bulat-mukashev@mail.ru

*К 200-летию выступления декабристов
на Сенатской площади в Санкт-Петербурге*

ДЕКАБРИСТЫ НА УРАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМУАРОВ И СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННОКОВ)

Аннотация. Данная работа посвящена драматичным судьбам ссыльных декабристов, оказавшихся во второй четверти XIX века на землях Оренбургской губернии (преимущественно в границах современной Уральской области). Через биографические очерки В.Д. Вольховского, А.О. Корниловича, А.А. Жемчужникова, Г.С. Карелина и А.И. Левшина мы попытались раскрыть, чем жила эта «вольная ссылка» и какой след оставила в жизни региона. Разумеется, нашей целью было не просто перечисление заслуг, а поиск ответа на вопрос: насколько реальным было влияние этих людей на социальную эволюцию казахского общества?

Сложилось ли в степи демократические институты благодаря их участию? Стали ли они катализаторами зарождения национальной интеллигенции? Пытаясь заполнить имеющиеся историографические лакуны, мы сфокусировались на сугубо практических вещах: медицине, краеведении и логистике торговых маршрутов, которые ранее оставались вне поля зрения историков. Особое внимание — трансляции идей гуманизма и гражданского равенства в реалии края. Именно этот культурный диалог между русскими традициями и степным укладом стал, на наш взгляд, тем самым «взрывным» механизмом, который не только расширил научное видение региона, но и, по сути, интегрировал Урал и Казахстан в общероссийскую историко-культурную орбиту, задав общественному сознанию совершенно иной вектор развития.

Ключевые слова: декабристы; ссылка; Уральская область; каторга; тайное общество; политика России в Центральной Азии; история и культура Казахстана; экономические связи; интеграция; природные ресурсы; этнография.

Введение

Попытаемся разобраться: насколько значимым оказался след, оставленный декабристами в социальной ткани Казахстана второй четверти XIX столетия? В центре внимания — не просто факты, а механизм, с помощью которого идеи ссыльных стимулировали рождение местной интеллигенции и демократических институтов. Долгие годы практическое влияние изгнанников на регион оставалось «белым пятном». Мы же, напротив, ставим задачу детально проанализировать их вклад: от организации просветительских кружков и медицины до налаживания торговых маршрутов, которые до того момента не попадали в поле зрения исследователей

Выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 года потрясло империю. Эхо петербургского бунта докатилось до самых глухих окраин. К следствию по делу декабристов было привлечено 579 человек. Виновными в итоге признали 287. Верховный суд внедрил жесткую классификацию, разбив осужденных на одиннадцать разрядов. На основе этой сетки Следственный комитет и выносил приговоры. Смертная казнь изначально грозила тридцати бунтовщикам, проходившим по первому разряду (тем, кто прямо согласился на царевбийство).

Позже Николай I смягчил вынесенные приговоры. На эшафот отправились лишь пятеро: П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский. Остальные разряды включали обряд политической казни, вечную каторгу, вечное поселение в Сибири, разные сроки каторги, лишение чинов и дворянства, разжалование в солдаты, службу в дальних гарнизонах. Этапы потянулись из столицы сразу после казни лидеров тайных обществ. Кому-то выпал жребий служить простым солдатом под пулями на Северном Кавказе. В Сибирь этапировали 120 человек, часть из которых

позже осела в крепостях Иртышской линии. Однако была и другая зона политической изоляции — Оренбургская губерния. Именно к ней в ту историческую эпоху административно относились обширные степные просторы Северного, Центрального и Западного Казахстана.

Традиция использовать Оренбургский край как место политической изоляции сложилась задолго до эпохи Николая I. На заре формирования этой системы (в 1744–1763 годах) в степи зачастую этапировали за слова, а не за дела. Богохульство, дерзкие речи в адрес высших сановников империи. Вот типичный портрет ссыльного тех лет, не совершившего при этом ни единого противоправного поступка. Судебный приговор для расправы над такими «неугодными» зачастую даже не требовался. Высылалось сразу большое число политических преступников на службу в Оренбургскую губернию в результате антиправительственных выступлений, которые трактовались как мятеж. Тогда в губернию гнали уже не одиночек, а огромные партии наказанных, принудительно зачисляя их на местную службу. Первый прецедент массовой депортации зафиксирован в 1795 году. Командующий Оренбургским корпусом С.К. Вязмитинов получил из столицы жесткий приказ: принять и разместить на вверенной территории взбунтовавшихся донских казаков. Вся их вина сводилась к отказу перебраться на Кавказскую линию. Итог оказался суровым — вместе с семьями в Оренбуржье тогда принудительно переселили 578 человек.

Вслед за Чугуевским восстанием 1817–1819 годов в Оренбургскую губернию хлынула новая волна ссыльных. Жестокость, с которой генерал Аракчеев — главный автор этих реформ — подавил бунт, не знала границ. По приговорам, вынесенным в Новгородской, Курской и Харьковской губерниях, в оренбургские края отправили 260 военных поселенцев, а также два десятка причастных офицеров и гражданских чиновников

20-ые годы XIX века – время брожения умов в России, возникновения первых тайных обществ. Учащаются случаи неповиновения и крамолы в армии – опоре власти. Правительство усиливает карательную политику, применяя самые радикальные меры. В октябре 1820 года имело место быть выступление солдат гвардейского Семеновского полка. Зачинщиков бунта ждало суровое наказание: прогон сквозь строй шпицрутенов и каторга. Оставшиеся 276 солдат Семёновского полка отправились в Оренбургский корпус, распределившись по гарнизонам Уфы, Илецкой Защиты и самого Оренбурга. Правительство не стеснялось в обвинениях: их клеймили за распространение «революционной заразы», симпатии к тайным обществам и солидарность с теми, кого уже везли на каторгу в Сибирь. В этот же поток попал и Г. С. Карелин. В 1822 году, по личному распоряжению канцелярии Аракчеева, его выслали из столицы в Оренбург, определив на службу в артиллерийскую роту Его «вина» состояла в том, что в своей карикатуре на всесильного графа он изобразил чертенка в мундире и позаимствовал девиз с герба Аракчеева («Без лести предан»). О Карелине будет рассказано еще далее. В 1824 г. в Оренбургский корпус был выслан разжалованный в солдаты за непозволительное сочинение и вольнодумство бывший подпрапорщик Семеновского полка П. Бахтурин.

Громом среди ясного неба для системы политического сыска России и ее служителей оказались события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и последующее расследование. По имеющимся сведениям, по данному делу в 1826-1833 гг. в Оренбургский корпус было зачислено 19 человек. В основном они попадали в солдаты в качестве рядовых линейных батальонов. Несколько человек некоторое время проживали на территории губернии под строгим надзором полиции. Ссыльных массово распределяли по Оренбургской пограничной линии. Сама она представляла собой цепь суровых укрепленных пунктов, возведенных еще в 1730–1740-х годах вдоль русел Яика, Сакмары, Самары и других водных артерий. Изначальная цель тех форпостов — защита края от стремительных набегов кочевников. В период 1826–1827 годов Оренбург вообще приобрел статус негласного транзитного узла. Здесь делали вынужденную остановку партии осужденных декабристов; многих после тяжелой передышки этапировали дальше, на Кавказ. Особое место в этой географии занимала Уральская область. Подчиняясь напрямую оренбургскому генерал-губернатору, она держала под контролем важнейшие маршруты региона. Именно так местный край оказался неразрывно вплетен в исторический водоворот тех процессов и, в частности, в саму летопись декабристского изгнания.

Материалы и методы исследования

Фундаментом данного исследования стал весьма разнообразный массив источниковедческой базы. В поисках истины мы опирались на синтез сухих архивных дел и эмоциональных, порою противоречивых, мемуаров современников. Фундаментом послужили классические собрания писем декабристов и знаменитая серия «Полярная звезда», а биографический справочник под редакцией М. В. Нечкиной стал нашим главным ориентиром. Естественно, не обошлось без привлечения профильных трудов отечественных и казахстанских историков, детально разбиравших специфику оренбургской ссылки. Особую ценность представляют личные эго-документы изгнанников. Это чудом уцелевшие письма, обрывочные дневниковые записи и воспоминания В. Д. Вольховского, А. О. Корниловича, Г. С. Карелина,

А. А. Жемчужникова, а также А. И. Левшина. Всех тех участников тайных обществ, кого судьба забросила на уральскую землю. Из более поздних профильных работ стоит выделить монографию В. З. Галиева «Декабристы и Казахстан» (1990 год). При этом географический ракурс нашей статьи намеренно сужен — мы работали с материалами, относящимися преимущественно к территории Уральской области.

Методологический каркас статьи держится на методах историко-описательного, сравнительно-аналитического и культурологического анализа. Благодаря первому методу удалось вытянуть на свет конкретные факты уральской ссылки. Наша цель — не просто хронология, а попытка реконструкции повседневности: в каких условиях выживали декабристы и что на деле представляла собой их принудительная служба? Сравнительный анализ дал нам возможность сопоставить личный вклад каждого ссыльного в развитие края. Но, что не менее важно, этот инструмент подсветил глубокую пропасть. Мы увидели разительный контраст между прогрессивными гуманистическими взглядами изгнанников и жестким диктатом имперской политики, проводимой на окраинах. Наконец, культурологический подход. Он позволил взглянуть на декабризм шире — не просто как на провалившийся политический мятеж. Перед нами уникальный феномен духовной культуры. Феномен, который незаметно, но мощно сеял в степном обществе идеи гуманизма, стимулировал гражданское самосознание и выстраивал мосты для межэтнического диалога.

Не обошли мы вниманием и дореволюционную, и советскую историографию. Труды, посвященные истории политической ссылки, развитию медицины, торговли и образования в Оренбургском крае, дополнили общую картину. Однако ключевой акцент сделан на архивных документах. Эти бумаги позволяют увидеть подлинное отношение к ссыльным. В них отражена вся гамма чувств: от настороженности чиновников до искреннего участия со стороны местных жителей. Нам же было важно восстановить картину их повседневной активности, которая до сих пор остается в тени. Речь идет о малоизученных сюжетах: как именно декабристы создавали в западноказахстанских аулах просветительские кружки, организовывали школы и первые медицинские пункты, адаптируясь к непростым условиям приграничья.

Почему именно этот региональный фокус оказался в центре нашего внимания? Ответ прост: мы попытались проследить, как именно идеология декабристов выстраивала культурный и интеллектуальный ландшафт Урала и Казахстана. Естественно, методологический фундамент статьи остался классическим: строгий историзм, объективность и междисциплинарный подход. При этом наше исследование — это не просто сухая выжимка из документов. Мы осознанно переплели исторический нарратив с анализом источников и добавили немного публицистического осмысления. Подобный синтез позволил решить амбициозную задачу: не растеряв научной достоверности, передать живой эмоциональный нерв той переломной эпохи.

Подводя итог методологическому блоку, можно сказать следующее. Собранные материалы и выбранные подходы нацелены на одну сверхзадачу: всесторонне осмыслить роль декабристов в кристаллизации общественных институтов края. Насколько глубоко их духовные ценности проросли в регионе? Как их пребывание укрепило мосты между русской и казахской культурами? Именно на уральской земле идеи свободы, гуманизма и просвещения получили своеобразное, но мощное развитие.

Результаты исследования

Итоги нашего исследования говорят сами за себя. Пребывание политических изгнанников в Оренбургской губернии и Уральской области не стало для них временем пассивного угасания. Их след здесь многопланов и удивительно долговечен. Да, условия ссылки были суровыми, а полицейский надзор — удушающим. Но даже в этих реалиях декабристы сумели развернуть кипучую созидательную деятельность. Наука, образование, медицина, смелые хозяйственные инициативы. Практически в каждой сфере они успели оставить свой отпечаток, запустив совершенно новые механизмы диалога между русским и казахским населением.

Начать стоит с их фундаментального вклада в естественно-научное освоение Казахстана. Именно кропотливые изыскания Г. С. Карелина, А. О. Корниловича и А. И. Левшина позволили существенно детализировать географические карты региона. Они методично описывали местную флору, фауну и скрытые природные богатства края. Те путевые дневники и аналитические отчеты, что выходили из-под их пера, позже стали настольными материалами для экспедиций второй половины XIX столетия. Причем их пылкий ум не ограничивался только географией. Язык, этнография, уникальные степные обычаи — по сути, декабристы предприняли первые в истории попытки системно осмыслить казахскую культуру.

Следующий важнейший пласт — просветительство. Опальные офицеры буквально закладывали фундамент для формирования будущей степной интеллигенции. Тот же В. Д. Вольховский, объединив усилия с А. А. Жемчужниковым, блестяще применил свой педагогический талант на практике. Они не просто учили людей грамоте. В условиях ссылки эти энтузиасты умудрялись открывать домашние школы,

занимаясь как с солдатскими детьми, так и с юными местными жителями. Они прививали любовь к чтению, инициировали переводы русской литературы на казахский язык. Трудно переоценить этот шаг на пути к реальному, глубинному культурному сближению народов.

Наконец, архивные находки позволили пролить свет еще на одну сферу — медицину и санитарное дело. Документы неопровержимо доказывают: политические ссыльные активно спасали жизни. Они не чурались черновой работы. Ссыльные вводили в обиход простейшие санитарные нормы, буквально спасая поселения от последствий эпидемий. Они не ограничивались теорией — зачастую помощь оказывалась непосредственно в очагах инфекции. В условиях степного быта, где доступ к профессиональным врачам был практически закрыт, такие меры были не просто рекомендациями, а единственным способом выживания местного населения. В конечном счете, эта деятельность имела куда больший социальный эффект, чем любая административная отчетность.

Изученные нами материалы наглядно демонстрируют: декабристы не оставались в стороне от сугубо прагматичных, торгово-экономических задач. Они прекрасно понимали потенциал региона. Интеграция рынков России и Казахстана виделась им обоюдовыгодным локомотивом, способным дать мощный цивилизационный толчок. Их аналитические записки предложениями о прокладке новых дорог, обустройстве караванных маршрутов и грамотном дипломатическом сближении с ханствами Средней Азии. Любопытно, но именно эти смелые идеи позднее легли в основу официального имперского курса.

Вывод напрашивается сам собой. Сосланные бунтовщики оставили на землях Урала и Казахстана не только абстрактный культурно-научный след. Они стали живыми двигателями региональной модернизации. Изучая их биографии, мы видим поразительный парадокс: даже будучи лишенными личной свободы, эти люди умудрялись воплощать в жизнь идеалы равенства и гуманизма на практике.

В лице декабристов мы получили не просто политзаключенных, а подлинных духовных мостостроителей между русской и казахской цивилизациями. Именно ими был заложен тот самый фундамент гуманистического и культурного диалога, который на десятилетия определил вектор развития двух народов. И сегодня, спустя столетия, их беспрецедентный опыт звучит не просто как исторический факт. Это жесткое напоминание о том, как дорого порой стоит гражданская ответственность и человеческое достоинство. Яркий пример — судьба Н. Г. Смирнова, штаб-лекаря лейб-гвардии Финляндского полка. Формально он не имел отношения к декабристам, однако попал в жернова следствия из-за рокового пустяка: сдал часть своей квартиры Н. Р. Цебрикову. В тех комнатах, спасаясь от облав после разгрома Сенатской площади, укрывались Цебриков и князь Е. П. Оболенский. Смирнов оказал им медицинскую помощь, за что и поплатился. Комиссия, впрочем, признала: о тайном обществе штаб-лекарь ничего не знал. Тем не менее, решение было окончательным. В феврале 1826 года его высылают в Оренбург, приписав к штату местного военного госпиталя.

Николай Галактионович оказался человеком редкого профессионализма. Петербургская медико-санитарная академия, золотая медаль, блестящие перспективы — всё это осталось в прошлом, но не сломило его. Проработав ординатором восемь лет, Смирнов по сути заложил фундамент местной медицины. Именно он начал готовить первые кадры, выпустив в 1829–1833 годах целую плеяду казахских фельдшеров. Когда же в 1829 году Оренбуржье захлестнула опустошительная волна холеры, госпиталь под его руководством стал последним рубежом обороны. У врачей не было ни опыта, ни методик борьбы с болезнью. Работать приходилось в условиях полной неизвестности, на пределе сил, буквально «вслепую» противостоя эпидемии. В те годы врачи работали вслепую. Исследователь холеры А. В. Попов вспоминал, что клиническая картина болезни была для оренбургских медиков загадкой, а литературы о ней вовсе не существовало. В этих условиях Н. Г. Смирнов фактически стал первопроходцем: он лично объезжал станицы и города, включая Уральск, буквально «на ходу» внедряя санитарные меры. Под его началом в госпитале развернули холерное отделение, где проводились рискованные для того времени эксперименты. Смирнов понимал: одними медиками эпидемию не остановить. По его инициативе для местного казахского населения выпустили карантинные памятки на арабском и русском языках. Результат превзошел ожидания — число жертв удалось снизить, а спустя время и вовсе купировать болезнь.

Судьба второго героя тех событий, ротмистра Е. Е. Пфейлицера-Франка, сложилась иначе. 7 июня 1826 года его переводят в Уральский гарнизонный батальон, при этом первые два месяца он проводит под арестом. Его «досье» выглядит как классический путь офицера той эпохи: дворянин из Курляндской губернии, воспитанник кадетского корпуса, участник Отечественной войны 1812 года, раненый в Бородинской битве. Карьерный рост в Ахтырском гусарском полку прервал приказ об аресте в начале 1826 года. Петербург, гауптвахта, Петропавловская крепость, холодные стены Кронверкской куртины.

Следствие, длившееся два месяца, пришло к неожиданному выводу: Пфейлицер-Франк не был активным заговорщиком, а его «причастность» к Южному обществу оказалась фикцией. По имеющимся

данным следственным протокола, история была иной: «В 1824 году Бестужев-Рюмин открыл ему существование тайного общества, но не получив согласия его на вступление в оное, просил, по крайней мере, не выдавать». Именно этот неосторожный разговор стоил Франку двух лет жизни, отданных на следствие и ссылку. Однажды Франк, находясь у Артамона Муравьева, упал в обморок и, придя в чувство, увидел возле себя одного Муравьева, который, пожав ему руку, сказал, что он уже предупрежден о известности ему, Франку, об обществе, и просил дать слово на действие с эскадромом. Франк отвечал на сие также пожатием руки; но, опомнясь, раскаялся и никакого участия в обществе не брал. После присяги Константину Павловичу Артамон Муравьев удивлялся, что долго не дают сигнала к действию, хотел под видом командировки в Киев послать Франка в Васильков с письмом к Сергею Муравьеву, но Франк отказался от этого. Содержался в крепости с 14-го февраля». Далее скупо сообщается о том, какое по нему было принято высочайшее решение: «По докладу Комиссии 15-го июня высочайше повелено, продержав еще два месяца, отправить на службу в Уральский гарнизон и ежемесячно доносить о поведении. О переводе его отдано в высочайшем приказе 7-го июля».

В отличие от многих сотоварищей Е.Е. Пфейлицер-Франк отделался довольно легко от своего положения политического ссыльного. 7 июля 1826 года переведен в Уральский гарнизон в чине капитана 14 егерского полка. Его миновала участь многих сослуживцев, которых после коронации Николая I ожидало «смягчение» приговора и перевод в действующую армию на Кавказ. Службу он завершил только 13 марта 1832 года: майор был уволен в отставку по состоянию здоровья (из-за полученных ранее ран) с правом ношения мундира и назначением пенсии. Оставив военное поприще, Егор Ермолаевич сначала осел в Екатеринославе, но уже к концу 1832 года перебрался в Таганрог. Там он нашел приют в доме своего родного брата — таганрогского градоначальника и действительного статского советника, барона О. Е. Франка. Там вскоре, в конце декабря 1832 года, и умирает. Интересно, что он считал самым значимым событием своей недолгой жизни, о чем часто вспоминал – бесконечное преследование отступающей наполеоновской армии, взятие Парижа, или обстрел мятежников пушечными ядрами у украинского села Устимовки. А может вспоминался далекий пыльный городок на большой реке, где долго и тягуче-медленно проходила его гарнизонная жизнь.

Интересен следующий факт. Казахстан не был для декабристов *terra incognita*, «неизвестной землей». В частности, некоторые из них, как В. Д. Вольховский и Г. С. Карелин, еще до вступления в тайные общества и открытого выступления против самодержавия, проходили военную и гражданскую службу в Западном Казахстане, знакомились с краем, его людьми, образом жизни, традициями и обычаями проживавших здесь народов. В. Д. Вольховский и А. А. Жемчужников оставили записки о своем пребывании в Казахстане. Есть записки Г. С. Батенькова, Н. Н. Муравьева, описывающих гостеприимный край, природу и историю проживающего здесь удивительного народа.

Вольховский (Вальховский) Владимир Дмитриевич (1798—1841). Капитан Гвардейского генерального штаба. Воспитывался в Московском университетском пансионе, откуда как отличный ученик в 1811 году был переведен в Царскосельский лицей. Товарищ Пушкина по лицейскому выпуску. Выпущен с первой золотой медалью прапорщиком в гвардию. После дополнительного экзамена по военным наукам утвержден офицером Гвардейского генерального штаба и назначен состоять при Гвардейском корпусе. Командирован в Бухару с миссией Негри, находился там с 10 октября 1820 до 12 мая 1821, произвел съёмку маршрутной карты от Оренбурга до Бухары и обратно до крепости Орской; командирован в Отдельный Оренбургский корпус по особым поручениям, находился в военно-топографическом обозрении Киргиз-Кайсацкой степи с 24 февраля по 29 марта 1824. Капитан, назначен в экспедицию для обозрения пространств между Каспийским и Аральским морями (27 августа 1825).

Член преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения (с лета 1817) и Союза благоденствия, в 1823 году участвовал в совещаниях у Ивана Пущина и других членов тайного общества. Во время следствия по делу декабристов по распоряжению Николая I, сообщённому И. И. Дибичем, всё это оставлено без дальнейшего действия.

Цитируется по изд.: Декабристы. Биографический справочник. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988.

После зачисления в Генеральный штаб в 1817 году перед молодым офицером, казалось бы, открывались все двери. Однако карьерные амбиции перечеркнул октябрь 1820 года: в первой роте (роте Его Величества) Семёновского полка вспыхнул стихийный бунт. Солдаты открыто выступили против деспотизма полкового командира Шварца, и эти события стали для штабного офицера роковыми. Среди бунтовщиков упоминалась и фамилия Вольховского. Полк был полностью переформирован, а участию Вольховского не придали особого значения. Тем не менее он оказывается в Оренбурге, куда были сосланы многие семеновцы. Его командируют в Бухару с дипломатической миссией. Во главе миссии Александр

Фёдорович Негри, российский дипломат, историк, переводчик с восточных языков, археолог и научный писатель, вице-президент Одесского общества истории и древностей. Основная цель экспедиции заключалась в налаживании торговых контактов и, что особенно важно, в освобождении российских подданных, проданных в рабство хивинцами, киргизами и туркменами. Задания, поставленные перед Александром Негри, были выполнены полностью. Бухарское правительство пошло на переговоры, результатом которых стал не только детальный отчет для Министерства иностранных дел, но и освобождение множества пленников. Кроме того, удалось заложить прочную основу дипломатических отношений с Бухарским ханством, за что сам Александр Фёдорович Негри был отмечен орденом Святой Анны 1-й степени. Высоко оценивалась роль В.Д.Вольховского в работе миссии, о чем была сделана запись в его послужном списке.

В.Д.Вольховский участвовал и в ряде других длительных экспедиций по казахским степям. В 1825 г. командирован в экспедицию для «обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями». Получил звание капитана. По результатам поездок им были составлены карта родорасселения и журнал военно-топографического обозрения. Карта Вольховского явилась важным источником по родорасселению казахов Малого жуза (Малый (или Младший) жуз занимал западную часть Казахстана от Урала до Каспийского и Аральского морей – Б.М.) в первой четверти XIX в. На карте было показано пространство от левого берега Урала и крепости Сарайчиковой до Илецкой Защиты с охватом верховьев Урала, Сагнза, Хобды. Более подробное описание о вкладе Вольховского в изучение родонаселения казахов в западной части Казахстана мы находим у В.З.Галиева:

«В. Д. Вольховский разделил исследуемые земли на территории, занимаемые казахскими родами — на семиродские (жетыру – Б.М.), алнмулиискпе и байулинскне. От озера Челкар и до устья Урала с левого берега широкой полосой кочевали байулинские рода: байбакты, алача, тана, маскар, берш; южнее устья Сагыз и на юг — адаевцы. Течение Ашеуил и территорию вокруг озера Тамдыкуль занимали алимулинцы. Земли семиродцев образовывали северную границу жуза (кердачи, тама, тобын и пастбища Д. Тлянчина (от татарского названия деревни Тлянче – Б.М.)) [3, с. 45].

От зоркого взгляда Вольховского не ускользнуло и существовавшие в степи неравенство и бедность. В своем дневнике он писал: «Борьба за пастбища теснит бедные рода, но, несмотря на это, богатые старшины пользуются запрещенными землями». В пояснительной записке к «Карте кочевьев части киргиз-кайсаков Малой орды» (1823–1824 гг.) Вольховский подмечает важную деталь. Несмотря на наличие родовых земель, нехватка кормов и угроза безопасности вынуждали казахов постоянно менять привычные маршруты, занимая чужие кочевья. «Киргизы, хотя и имеют постоянные для своих кочевьев места, издавна каждым родом присвоенные, но недостатки подножных кормов, опасность и другие обстоятельства заставляют их нередко занимать чужие кочевья» — писал он. (Примечательно, что в тот период — с 1734 по 1925 год — в имперской и советской официальной версии казахов нередко называли «киргиз-кайсаками» или «киргизами», чтобы не смешивать их с казачеством, хотя исторически Казахское ханство было известно как Казачья Орда — Б.М.). Далее исследователь приводит пример: семиродцы обосновались на вершинах рек Калдагайлы, Уил и Сагыз, где традиционно кочевали байулинцы, вынудив последних потесниться к югу.

Вольховского, однако, интересовала не только география кочевий, но и гидрография региона. Собирая картографический материал, он вел подробный реестр малых рек Западного Казахстана: Жаксыбай, Уленты, Карабутак, Тентек, Карасу. Описывая реку Уил, он отмечал: «...имеет воду хорошую, глубина местами более сажени, ширина от 10 до 15 сажень. Берега обрывистые от 1 до 2 сажень в высоту. Дно реки песчаное, возвышенности, мелкой рыбы довольно, корма по оной состоят из жусана — полыни». В этих записях видна не только поразительная точность, но и неподдельный интерес к краю.

Степь буквально завораживала Вольховского. Изъездив Приуралье вдоль и поперек, он скрупулезно фиксировал любые свидетельства, связанные с пугачевским бунтом. Встречи со старожилыми, записи живых воспоминаний о крестьянской войне — всё это накапливалось в его дневниках. Есть веские основания полагать, что именно эти рассказы, переданные через третьих лиц, в конечном итоге подтолкнули А.С. Пушкина взяться за написание «Истории Пугачева» и побудили поэта лично отправиться в оренбургские степи.

Этот вояж поэта состоялся осенью 1833 года. Уже 18 сентября он прибывает в Оренбург, параллельно делая наброски для «Оренбургских записей». Там его встречает и везде сопровождает В.И. Даль. Местные власти подготовились к визиту: военный губернатор В.А. Перовский заранее предупредил наказного атамана И.В. Гребенщикова. Тот, в свою очередь, оперативно собрал в станице Берды местных старожилых. Среди них оказалась казачка И.А. Бунтова, чьи уникальные свидетельства о событиях шестидесятилетней давности стали для поэта настоящей находкой. Вскоре, 20 сентября, Пушкин выехал в Уральск. Пробыв там двое с половиной суток, он позже резюмировал: «Я посетил места, где произошли

главные события, мною описанные, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою». О том, кто изначально подарил ему идею этой поездки, поэт помнил всегда. Едва книга увидела свет, он отправляет экземпляр Вольховскому, сопроводив его письмом: «Посылаю тебе последнее мое сочинение «Историю Пугачевского бунта». Я постарался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда... Все это нужно было сличать, проверять; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно».

Но вернемся немного назад, к непростой судьбе самого Вольховского. Лето 1824 года он проводит в Москве и Петербурге, отчаянно пытаясь сменить место службы. Глухая стена отказов вынуждает его подать прошение об отставке. Увы, гражданская жизнь длилась недолго. Болезнь отца и катастрофическая нехватка денег заставляют его уже осенью 1825 года вернуться в строй. Офицера причисляют к военно-научной экспедиции Ф. Берга (Федор Федорович фон Берг — видный русский государственный деятель, топограф и дипломат), нацеленной на изучение Устюрта и полуострова Бузачи.

Символично, что этот поход стартовал 14 декабря 1825 года — ровно в тот день, когда грянуло восстание на Сенатской площади. Точкой отправления послужила крепость Сарайчик. (По данным Б.М., сегодня это руины величественного города Сарайджука на правом берегу Урала, в 50 км от Атырау; по преданию, основан он был ханом Батыем в 1227–1255 годах и служил важнейшим караванным узлом, связывавшим Европу и Орду с Ираном, Индией и Китаем).

Никто не предполагал, что в дату начала их дальнего пути в Санкт-Петербурге произойдут события, которые вызовут сильнейший резонанс в российском обществе. Во время экспедиции были собраны сведения экономического и географического характера, составлены подробная карта местности п родорасселения казахов, военно-топографическое описание пространства между Каспийским и Аральским морями (Устюрт) и от Астрахани до Гурьева. В частности, было открыто, что моря разделяются не горами, а возвышенностью. Впервые было произведено барометрическое определение высоты Аральского моря, получены новые сведения о Хиве.

Вольховскому, к сожалению, не удалось завершить свою работу. Оренбургскому генерал-губернатору П.К.Эссен нарочным из Петербурга приходит депеша, которая гласила: «В России по несчастью открыто пагубное тайное общество, умышлявшее на разрушение государственного порядка и правительства. По показаниям некоторых соучастников сего общества, известно стало, что к оному принадлежал, но потом отстал, гвардейского генерального штаба капитан Вольховский, тот самый, который отправлен с полковником Бергом в экспедицию в Бухарию. Посему Государь повелевает, чтобы Ваше Превосходительство при первом удобном случае приказали Вольховскому возвратиться к вам и потом отправили бы его сюда в С.-Петербург с нарочным». По распоряжению генерал-губернатора Вольховского отзывают из экспедиции и с нарочным фельдъегерем отправляют в Петербург для допросов в связи с событиями на Сенатской площади. В материалах следственной комиссии имя В. Вольховского появилось 1 февраля 1826 г. Взятые под стражу С. Трубецкой и М. Муравьев-Апостол дали показания, что Вольховский посещал собрания общества. Во время следствия стало известно, что В. Вольховский одним из первых вошел в «Союз спасения», затем стал участником «Союза благоденствия», был членом Северного общества. На Вольховского, а вместе с ним и на А. Куницына, И. Пущина, В. Кюхельбекера, многие допрашиваемые указывали как на твердых последователей идеи свободомыслия. Владимир Дмитриевич стойко защищался, и, кажется, доказал свою непричастность к мятежу. На его стороне был непреложный факт – в самый кульминационный момент выступления восставших он находился за несколько тысяч верст в казахской степи. Следствие не смогло предъявить ему конкретное обвинение. Вот что пришлось записать в итоговом документе Следственного комитета:

Вальховский Владимир Дмитриев. Капитан Гвардейского Генерального штаба.

В показании своем, представленном начальству, он изложил, что в 1818 году было ему предложено вступить в общество, Союз благоденствия, имевшее целью благотворение и нравственное образование членов. Не видя в целях и действиях общества ничего противозаконного, вступил в оное. Но вскоре, усмотрев, что оно не соответствовало пышно возвежаемому названию своему, стал мало-помалу удаляться, а в 1820 году участие свое в нем совершенно прекратил. В 1821 году, по возвращении его из Бухарии, узнал, что Союз разрушился; с тех пор ни о каком тайном обществе не слышал. Напротив того, из показаний многих членов видно, что Вальховский состоял в сношениях с обществом и после 1821 года участвовал в совещаниях, бывших в 1823 году у Пущина и других членов. Совещания сии заключались в учреждении Думы, выборе членами оной: Трубецкого, Никиты Муравьева и Оболенского и в положении стараться взискать средства ко введению конституции. По отзыву господина начальника Главного штаба его императорского величества, оставлено сие без дальнейшего действия.

В сентябре 1826 года Вольховского переводят на Кавказ, в штаб генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича. Войны с Персией и Турцией стали для него новым испытанием. Вольховский проявил себя как храбрый офицер: отличился при осаде Эривани, Карса и Эрзерума, получив в награду золотую шпагу с надписью «За храбрость». Однако даже на высоком посту в действующей армии он оставался верен себе: его забота о высланных на Кавказ разжалованных декабристах стала притчей во языцех. Он «сделался ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших по высочайшему милосердию на Кавказ рядовыми». [6, с.31-32] Пути Пушкина и Вольховского пересеклись на Кавказе 13 июня 1829 года в полевом лагере Паскевича. В «Путешествии в Арзрум» поэт оставил пронзительные строки: «Здесь увидел и нашего В[ольховского]» — запыленного, обросшего бородой, измотанного бесконечными заботами. «Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ». Последняя их встреча случилась весной 1834 года в Петербурге. «Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию», — так коротко и буднично зафиксировал этот момент в своем дневнике Пушкин, не подозревая, что видятся они в последний раз. Лицейские товарищи Вольховского М. А. Корф и М. Л. Яковлев сообщили ему о трагической кончине Пушкина. Для него это была тяжелая утрата.

Среди декабристов особое место принадлежит А.О.Корниловичу, пользовавшегося большим уважением среди своих товарищей по ссылке.

Корнилович Александр Осипович (7.7.1800 г. –30.8.1834 г.). Штабс-капитан Гвардейского генерального штаба. Окончил Московское учебное заведение колонновожатых. В 1816 году вместе с Д. П. Бутурлиным, русским военным историком, занимался архивными изысканиями по проблемам военной истории Петра I и Отечественной войны 1812 года. Член Общества любителей словесности, наук и художеств. Владел почти всеми европейскими языками: немецким, французским, итальянским, английским и др. Сотрудник журнала "Полярная звезда". Член Южного общества. Находился в ближайшем окружении К. Ф. Рылеева, Н. А. Бестужева. Прибыл в Петербург за несколько дней до восстания и участвовал в его подготовке. Приговорен к 12-летней каторге, срок сокращен до 8 лет. Наказание отбывал в Читинском остроге. В 1828 году доставлен с Нерчинских рудников в Петропавловскую крепость. Находясь в крепости Корнилович написал историческую повесть «Андрей Безыменный» — о русских нравах времён Петра Великого. В крепости находился до ноября 1832 года, когда был определен рядовым в Ширванский пехотный полк и отправлен на Кавказ, где умер от

Фигура Александра Осиповича Корниловича стоит в декабристском движении особняком. Блестящий исследователь, он оставил глубочайший след в научном освоении Казахстана. Для своего времени его труды стали настоящим откровением, приоткрыв завесу над бытом и уникальной культурой степных народов.

Страсть к этнографии и летописям проснулась в нем рано, еще в бытность воспитанником Пажеского корпуса. Очевидно, что столь мощный исследовательский импульс задал Николай Михайлович Карамзин — главный историк той эпохи. Грянул 1825 год. Восстание, суд, сибирская ссылка. Но даже в Читинском остроге Корнилович не забросил науку. Напротив, вместе с товарищами по несчастью он стал интеллектуальным ядром каторжной «академии». Декабрист Н.И. Лорер позже вспоминал: «лекции на исторические темы читали Корнилович и Николай Бестужев, профессионально занимавшиеся историей». К тому же Александр Осипович взял на себя роль преподавателя, обучая изгнанников тонкостям английского и итальянского языков.

Этот сибирский период оборвался внезапно. Очередной донос Ф. Булгарина запустил карательную машину по новому кругу. Внезапный приезд фельдъегеря с приказом об экстренном этапировании из Читы в Петербург стал для Корниловича полной неожиданностью. Следствие показало, что инспирированное Ф. Булгариным обвинение не имело под собой никаких оснований, однако Николай I предпочел проявить излишнюю осторожность. Вместо освобождения узник оказался в казематах Петропавловской крепости, где провел в заключении без малого четыре года — вплоть до 1832-го.

Однако режим содержания оказался парадоксальным. Ему дали перо и бумагу. Очевидно, самодержец разглядел в аналитике мятежника трезвый, прагматичный государственный ум. Шеф жандармов А.Х. Бенкендорф лично распорядился беспрепятственно снабжать арестанта любимыми книгами. Более того, через него же император умудрялся передавать Корниловичу высочайшую благодарность. Итог этой странной «камерной» работы поражает: из-под пера декабриста вышли десятки обстоятельных записок. Торговля, экономика, военное дело, административные реформы. Эти документы ложились на столы министров, а порой уходили на прямой доклад к самому царю.

Центральное место в интеллектуальном поиске Корниловича занимал Казахстан. Корнилович не просто фиксировал этнографические сведения — он стремился вскрыть саму логику жизни степного народа, детально анализируя его социальное устройство, религиозные обряды и многовековые традиции.

В его работах удивительным образом переплетались документалистика и художественный вымысел: сухие исторические факты становились скелетом для повестей, позволяя читателю увидеть не «книжный», а вполне реальный, живой быт казахов. При этом исследователь избегал узких рамок: его интересовали процессы ассимиляции, культурного обмена и то, как именно влияла европейская мысль на самобытный строй степняков. Корнилович был активным участником научной коммуникации, постоянно обмениваясь данными с коллегами, что позволяло ему уточнять свои выводы и формировать объемную картину истории Казахстана, которая в то время оставалась для империи «терраинкогнита».

Его интересовала не только история, но и экономическая стратегия. Взаимодействие с Азией виделось Корниловичу единственным верным путем к преодолению взаимного недоверия. Он был убежден: Петербург катастрофически недооценивал Восток. Находясь в заточении в Петропавловской крепости, он продолжал настаивать: дипломатия и торговля требуют специалистов, глубоко погруженных в восточную специфику. В одной из записок он подчеркивал: «Азиатские сношения, по существу своему и особенно по свойствам тамошних обитателей, столь отличны от европейских, что требуют людей, нарочно для сего приготовленных...».

В качестве главного торгового хаба он видел Семипалатинск — город, буквально созданный для караванной логистики. Разработав шесть маршрутов вплоть до самого Самарканда, он доказывал выгоду такого шага: «заняться отыскиванием новых путей для нашей торговли, и Азия представляет нам в сем случае двоякие выгоды: забирая наши мануфактурные произведения, она взамен будет отдавать нам свои продукты гораздо дешевле того, что мы платим за них теперь западным европейцам».

Что принципиально отличало этнографический метод Корниловича? Абсолютный гуманизм. В ту эпоху по империи гулял стойкий миф о якобы «недружелюбном» и «разбойничьем» нраве степняков. Декабрист камня на камне не оставил от этих стереотипов. Он яростно доказывал: корень проблемы кроется отнюдь не в мнимой национальной «неполноценности». Виной всему — жесточайшие историко-политические реалии, искусственно затормозившие культурное развитие края.

Свои научные выводы Александр Осипович виртуозно облекал и в художественную форму. Из-под его пера вышло несколько повестей и романов, где казахский быт прописан с поразительной точностью. По сути, его литература — это не просто вымысел, а плотная ткань из строгих документальных свидетельств. Именно поэтому сегодня эти тексты читаются как полноценные этнографические источники. Масштаб сделанного им трудно переоценить. Корнилович буквально открыл для российского читателя совершенно неизвестную, глубокую жизнь казахского народа, заложив прочный фундамент региональной исторической науки.

Впоследствии эстафету этих уважительных, новаторских исследований подхватил Аполлон Аполлонович Жемчужников.

Жемчужников Аполлон Аполлонович (1798—1848). Старший брат Антона Аполлоновича Жемчужникова. В 1815 вступил колонновожатым в свиту Его императорского Величества по квартирмейстерской части. Во время турецкой войны 1828–1829 гг. находился в походе в Европейскую Турцию и участвовал в осаде крепости Варны. В 1830 командирован в Отдельный Оренбургский корпус, в 1831 произведен в полковники и назначен обер-квартирмейстером при Отдельном Оренбургском корпусе. Во время службы в среднеазиатском регионе основным полем его деятельности была казахская степь от западной части Казахстана до Алтая. В 1840 произведен в генерал-майоры. В 1841 назначен Начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса. Скончался скоропостижно в городе Омске 11 октября 1848 года.

Если подходить к вопросу формально, то, в отличие от своего брата Антона, он декабристом не был. Его обошли стороной тайные общества, аресты и сибирский этап. Несмотря на отсутствие громкого «декабристского» прошлого, вся жизнь Аполлона Аполлоновича была посвящена служению империи. Офицерский путь Аполлона Аполлоновича начался еще в 1815 году, когда он, совсем молодым, был зачислен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

С 1830-х годов его профессиональный путь тесно переплелся с Оренбургским корпусом. Именно здесь, от западных пределов Казахстана до самого Алтая, прошла большая часть его службы. Карьера развивалась стремительно: профессионализм позволил ему дорасти до обер-квартирмейстерской должности, а к 1840 году получить генеральские эполеты. Всего год спустя он возглавил штаб Отдельного Сибирского корпуса. Однако блестящий путь прервался внезапно: осенью 1848 года Аполлон Аполлонович скоропостижно скончался в Омске. При всей своей верности присяге, он не был «кабинетным» служакой; напротив, именно в степи, вдали от столичных штабов, он обрел свое истинное призвание как ученый и исследователь. Его дела в Казахстане выдавали в нем человека, глубоко

симпатизировавшего опальным вольнодумцам, чей личный интеллектуальный вклад в изучение края трудно переоценить.

Тайные общества, заговоры, Сенатская площадь, арест и сибирский этап — все это обошло его стороной. Он всегда оставался безупречным, преданным присяге кадровым военным. И все же его дела в Казахстане выдают его с головой: он глубоко симпатизировал идеям опальных вольнодумцев. Служба не помешала ему стать блестящим ученым, чей след в исследовании степного края трудно переоценить.

Оказавшись в Оренбурге, офицер буквально окунулся в совершенно новую, неизведанную среду. Он мгновенно оценил масштаб открывшихся перед ним перспектив и с головой ушел в полевую работу. Жемчужников не сидел в кабинетах. Долгие беседы со старейшинами, запись уникального фольклора, внимательное наблюдение за повседневным укладом казахов — все это интересовало его необычайно. Он жадно фиксировал особенности кочевого быта, вникал в тонкости родового управления, семейные ритуалы и религиозные практики. Итог этой кропотливой работы — бесценный свод этнографических материалов, без которых сегодня не обходится ни один серьезный труд по культуре региона.

Кругозор этого человека поражает. Этнография была лишь одной гранью его таланта; Жемчужников оказался еще и дотошным естествоиспытателем. Флора, фауна, климат, состав местных почв — он скрупулезно описывал природные ресурсы Оренбуржья и прилегающих казахских территорий, всерьез оценивая их сельскохозяйственный потенциал.

А следом за природой шел строгий экономический расчет. Офицера живо интересовала логистика: как именно функционируют караванные тропы? По каким негласным законам строится товарообмен между русскими купцами и казахскими племенами? Какова реальная транзитная роль Оренбурга в этой цепи? Его аналитика помогла увидеть колоссальный потенциал русско-казахских связей и наметить грамотные пути для дальнейшего расширения степной торговли.

Не менее важной частью его деятельности было изучение социальной структуры казахского общества. Жемчужников описывал порядок наследования, роль биев и старейшин в управлении, механизмы разрешения споров и роль обычного права. Он отмечал как сильные, так и слабые стороны традиционной системы управления и пытался понять, каким образом можно было бы улучшить положение местного населения. Из рукописей видно, что А. А. Жемчужников хорошо представлял себе внутреннее положение Малого жуза, борьбу за власть среди феодальной верхушки, соотношение сил враждующих групп казахской знати. В своих записях Жемчужников записывает реакцию населения на то, как хивинские ханы провоцируют людей, строя крепости в непосредственной близости от границ кочевания. В своей книге В.З.Галиев приводит слова Жемчужникова об одной из причин, из-за которой возникали антифеодальные восстания в казахской степи: *«Киризцы, возвратясь на свое зимовье, увидев на оном поселившихся ташкентцев, собрались от 3 до 5 тысяч человек, напали на крепость, но все покушения их взять оную остались тщетными. Устояв против киргизцев, Камыш-Кала разделила оных на две части. Следствием построения хивинской крепости у подошвы горы Каран на правом берегу Куван-Дарьи может быть совершенное уничтожение торговли нашей с Бухарой, ибо караваны, которым удастся пройти пещи Кызыл Кум, будут всегда разграблены гарнизоном, находящимся в крепости. Ежели они имеют небольшое военное прикрытие, то Хивинский хан всегда будет иметь достаточно известие о том и, собрав достаточное количество своего войска, нападет в песках Кызыл-Кум»* [3,с.34] Декабрист А. А. Жемчужников, также, как и А. О. Корнилович, считал чрезвычайно важным развитие торговых отношений между Россией с казахской степью и среднеазиатскими ханствами, подчеркивал обоюдную выгоду от ее развития. Интересно отметить в данном случае совпадение мнений двух выдающихся исследователей в отношении перспективы развития русско-казахских отношений. Как и А. О. Корнилович, А. А. Жемчужников исследует возможные маршруты караванных путей по Средней Азии и Казахстану в плане установления и расширения торговых отношений. Записки Жемчужникова содержат ценные сведения по истории казахов и народов Средней Азии. В них проявляется интерес декабристов к нерусским народам, населяющих азиатские регионы.

Работы Жемчужникова не ограничиваются лишь наблюдениями и записями. Он активно участвовал в общественной жизни Оренбурга, взаимодействовал с местной интеллигенцией и другими сосланными декабристами. Его исследования и труды послужили основой для дальнейших научных изысканий о Казахстане и внесли значительный вклад в российскую науку XIX века. Аполлон Аполлонович Жемчужников превратил своё пребывание в Оренбурге в плодотворный научный труд. Его исследования охватывали этнографию, природоведение, экономику и социальные аспекты жизни казахских степей, что сделало его одним из заметных исследователей региона. Наследие Жемчужникова продолжает оставаться ценным источником знаний для современных историков, этнографов и культурологов.

Среди ссыльных декабристов было много образованных людей, жаждущих принимать деятельное участие в общественной жизни на местах. Воспитанные в демократическом духе, они легко находили

контакт с местным населением, вызывая уважение своей просветительской деятельностью. А их научные исследования открывали новые горизонты в изучении еще малоизведанных стран, территорий, народов. Деятельность декабристов вносила большой вклад в развитие окраинных территорий. Это хорошо понимали и те, которые обязаны были надзирать за ссыльными. Понимали, но только не самодержавный властитель. А.Е.Розен, отбывавший каторгу в Нерчинских рудниках, вспоминал в своих «Записках декабриста»: «В. А. Перовский, тогда генерал-губернатор оренбургский, просил государя о переводе Бестужева в Оренбургский край, чтобы описать край и знакомить читателей с кочующими жителями степей, на что получил ответ, что Бестужев следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее» [8, с.367]. Речь шла об Александре Александровиче Бестужеве (Марлинском), штабс-капитане лейб-гвардии Драгунского полка, известном писателе и публицисте. Оренбургский губернатор хотел привлечь его, как имеющего литературные способности, для «статистического описания края». Красноречивый ответ царя свидетельствовал о его злопамятности, – видимо, долго не смог отойти от страха, которого натерпелся на Сенатской площади. Аналогичным образом повел себя самодержец и во время аудиенции известного немецкого географа, натуралиста и путешественника Александра фон Гумбольдта у царя. В 1829 году, на время путешествия А.Гумбольдта по Западной Сибири и территории Казахстана к нему, в качестве сопровождающего, был прикомандирован С.М.Семенов, поскольку как чиновник местной администрации постоянно общался с казахами и хорошо знал ситуацию на местах. Гумбольдт стал расхваливать Семенова перед царем: «*Я был поражен и восхищен, Ваше Величество, встречая в самых отдаленных уголках вашей необъятной империи истинно образованных людей* начальник экспедиции по обследованию» [3, с.81]. Сразу же последовали репрессивные меры: в отношении майора Борташевича (арестовать на два месяца за то, что командировал Семенова в экспедицию), и Семенова, которого шеф жандармов Бенкендорф указывал «*Употребить Семенова по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири на службу в отдаленные места без права выезда*». С. М. Семенова упрятали в Туринск [3, с.81]. Мигель де Сервантес был прав, когда высказался о подобных людях: «Злые преследуют добродетель сильнее, чем добрые ее любят».

Открытое выступление на Сенатской площади 25 декабря 1825 года, целью которого было упразднение самодержавия, отмена крепостного права, введение конституционного устройства, было жестоко подавлено. Там, на площади, многие погибли под градом картечи, арестованных отправляли в Петропавловскую крепость. Допросы проводил сам император. Пятерым был вынесен смертный приговор, 120 человек отправились на каторгу в Сибирь или на поселение. Правительство понимало, что бунт на площади – верхушка айсберга. Открытый бунт подавлен. Но были те, которые не выходили открыто на площадь, но разделяли убеждения погибших под картечью и сосланных на каторгу, были их последователями, единомышленниками, друзьями, входили в их окружение. Были те, которые, хотя и не выходили на площадь, идейно оставались на стороне декабристов и своими действиями в обществе, в армии, в государственных делах не отрешились от своих «безумных» идей о свободе и равенстве, которые, если не пересечь, могут неизбежно привести к еще большей смуте и беспорядкам. Люди, их проповедующие, заслуживают самого сурового наказания, и, по мнению царских сатрапов, их следует держать под неусыпным надзором. Они упустили из виду главное: то, что не все члены тайных обществ вышли на площадь, не имело особого значения. Главное в декабристском движении было не само восстание, а идеи, которыми вдохновлялись его участники. Те, кто разделял их взгляды, находился в том же идейном поле, что и их активные члены. Многие из этих людей поддерживали декабристов морально, финансово или организационно, разделяя с ними риски разоблачения и преследований. Это требовало определённой смелости и идейной убеждённости. Даже не участвуя в восстании, эти люди продолжали влиять на общественное сознание, несли идеи свободы в массы, что помогало сохранять и развивать принципы декабризма. Уважение к их выбору и труду важно с точки зрения исторической справедливости. Они внесли вклад в движение, хотя и не рисковали своей жизнью непосредственно на Сенатской площади. Они, как и сами декабристы, достойны высшего уважения и благодарной памяти потомства. И их число росло. Две замечательные личности из их среды – Григорий Силыч Карелин и Алексей Ираклиевич Левшин.

Г.С.Карелин не был декабристом, не принимал участия в политических движениях и не выходил с оружием на Сенатскую площадь. На его формирование как личности и как ученого оказало влияние декабристская идеология, он был из декабристского окружения, одним из видных его представителей.

Карелин Григорий Силыч(1801–1872). Из дворян петербургской губернии. Рано остался сиротой. В восемь лет старший брат отдал его обучаться в первый Петербургский кадетский корпус. Был выпущен прапорщиком артиллерии. В 1819 г. стал работать в канцелярии графа Аракчеева. По доносу об эпиграмме на Аракчеева в 1822 г. отправлен в [Оренбург](#) и определён на службу в местном гарнизоне. На новом месте Карелин полностью сосредоточился на научной деятельности. Вместо того

чтобы воспринимать ссылку как наказание, он увидел в ней возможность для изучения неизведанных территорий. Оренбург в то время был важным центром, через который Россия осуществляла экспансию в Среднюю Азию, и Карелин нашел себя в роли исследователя новых земель. С 1822 года участвует в целом ряде экспедиций в [степь](#) для [топографических съёмок](#). Несмотря на большой научный авторитет и заслуги в освоении края, власть продолжала преследовать ученого. Был выслан из Семипалатинска. Научные работы пришлось прекратить. Уехал в свое имение Трубицыно под Москвой, но в 1852 году вернулся в Гурьев, где прожил до конца своей жизни и где умер в 1872 году.

Масштаб полевой работы Карелина действительно поражает воображение. Этнография, география, девственная природа казахских степей и сопредельных территорий — все это на долгие годы стало главным смыслом его экспедиций. Исследователь покрыл колоссальные расстояния: от Оренбурга до самого Каспия, от Уральска вплоть до Семипалатинска. При этом он не просто наблюдал за местной жизнью со стороны. С ханом Бокеевской Орды Джангиром Г. С. Карелин сумел выстроить по-настоящему доверительные, дружеские связи. Два года (с 1826 по 1828-й) ученый находился прямо в ханской ставке. Плодом этого уникального взаимодействия стала подробнейшая, первая в своем роде карта Бокеевской Орды.

Параллельно, в 1827 году, он становится спутником Эдуарда Александровича Эверсмана в его поездке по землям Уральского казачьего войска. (Отметим, что Эверсман — выдающийся российский натуралист, врач, зоолог и ботаник, оставивший заметный след в науке, 1794–1860 гг. — Б.М.). Вместе они исколесили множество станиц, детально обследовав Гурьев и Уральск. Весь этот колоссальный массив данных, собиравшийся по крупицам в поездках по Западному Казахстану еще с 1822 года, в итоге вылился в фундаментальный труд — «Описание степи и описание кочевой жизни киргизов».

А затем наступил новый этап. В 1829–1830 годах в регион прибывает знаменитая экспедиция Александра Гумбольдта (к слову, в ее состав входили и сосланные декабристы). И именно Г. С. Карелину, как главному знатоку края, было поручено разработать для прославленного ученого оптимальный логистический маршрут, пролежавший по вектору Оренбург — Уральск — Узень — Астрахань [10, с.102].

Не менее важным объектом, вызывавшим у Карелина исследовательский интерес, было Каспийское море. В 1832 г. он - начальник экспедиции по обследованию северо-восточной части Каспийского моря, составил карту этой части моря. В 1836 г. возглавлял экспедицию по обследованию восточных и юго-восточных берегов Каспия. Карелин и его спутники нанесли на карту заливы у восточного побережья, в том числе часть берегов Кара-Богаз-Гола, дали его первое описание. В дальнейшем, в 1840–42 годах, Карелин вместе с географом и картографом И. П. Кириловым исследовал Семиречье, верхнее течение Иртыша и его притоков, собрав большой материал по флоре, совершил путешествие по северному и восточному Казахстану, во время которого составил карту Семиречья.

Окидывая взглядом наследие Карелина, трудно поверить, что все это проделал один человек. Во время бесконечных экспедиционных маршей он методично, изо дня в день собирал коллекции уникальной степной флоры и фауны, фиксировал климатические сдвиги и геологические пласты. Именно благодаря его титаническому труду Российская империя впервые получила реальное представление о масштабных природных богатствах Казахстана. Неизвестные доселе виды животных, редчайшие эндемичные растения — эти открытия ученого мгновенно превратились в золотой фонд для последующих поколений натуралистов.

Особого внимания заслуживают его успехи в ботанике. Здесь Карелин не просто коллекционировал. Он выстроил строгую классификацию найденных в степи образцов, подробно расписав их свойства. При этом в нем говорил не только теоретик, но и жесткий прагматик. Исследователь постоянно искал ответ на вопрос: как можно заставить эту землю работать на нужды промышленности и сельского хозяйства? Его скрупулезный анализ почв, особенностей климата и роли дефицитных водных источников заложил фундаментальную базу для всего аграрного освоения края.

Но степь — это не только травы и недра. Это люди. И Карелин, отодвинув в сторону естествознание, с тем же упорством погружался в культуру казахского народа. Традиции, древние верования, суровый быт кочевых племен — он фиксировал все это с поразительным уважением и вниманием к мельчайшим деталям. За его этнографическими заметками стоит не холодный взгляд имперского чиновника, а искренняя попытка понять мировоззрение кочевника, его тонкую связь с окружающей природой. Без преувеличения, именно такие первопроходцы заложили фундамент системной этнографии Центральной Азии.

Прагматизм Карелина проявлялся абсолютно во всем. Его изыскания не пылились в архивах: они работали. Составленные им подробные карты немедленно уходили в штабы для военных, административных и сугубо хозяйственных нужд. Разведка природных ресурсов позволила наметить четкие перспективы экономического роста региона. Огромный потенциал казахских степей он видел и в

развитии мощных транзитных торговых узлов, связывающих народы. Примечательно другое: еще в первой половине XIX века Карелин, опережая свое время, уже задумывался о том, как уберечь хрупкую и уникальную природу этого края от бездумного уничтожения.

Масштаб научного наследия Григория Силыча Карелина действительно огромен. Его труды получили широкое признание не только в России, но и далеко за ее пределами. Собранные им уникальные гербарии и зоологические коллекции обогатили фонды ведущих музеев империи, а этнографические и географические очерки легли в основу всего дальнейшего изучения Центральной Азии.

Биография Карелина — это трансформация из политического изгоя в первооткрывателя. Его личный вклад в освоение региона не просто велик — он фундаментален. В отличие от многих коллег, Карелин не ограничивался сухой фиксацией данных; в каждом, даже самом отдаленном уголке степи, он находил научную ценность. Суровая природа Казахстана и быт кочевников стали для него не ссыльным наказанием, а основной исследовательской средой, предопределившей смысл всей его жизни.

Характер исследователя был под стать этой среде: он отличался бескомпромиссностью, сохраняя связи с декабристами и открыто демонстрируя свои демократические взгляды. Подобное поведение закономерно раздражало чиновников: Карелина увольняют из Министерства финансов и высылают из Семипалатинска. Попытка осесть в подмосковном имении Трубицыно оказалась кратковременной. Размеренная жизнь помещика была чужда его натуре, и в 1852 году он возвращается в Гурьев, где и остается до своей смерти в 1872 году.

Эстафету научных изысканий в регионе подхватил Алексей Ираклиевич Левшин. Хотя он не принадлежал к декабристскому движению, его деятельность стала логическим продолжением изучения казахских земель. Именно Левшин одним из первых обосновал стратегическую значимость региона для Российской империи, сделав упор не только на этнографию, но и на комплексный анализ ресурсов края

Левшин Алексей Ираклиевич (1798–1879). Родился в Москве в дворянской семье. Получил хорошее образование, обучаясь в Московском университете, где начал формироваться его интерес к истории и географии. Его карьера началась в государственных учреждениях, связанных с изучением Российской империи. Левшин умер в 1879 году, оставив наследие, которое до сих пор высоко ценится в научных кругах.

После получения магистерской степени Алексей Левшин поступает в Коллегию иностранных дел. Там же, в коридорах ведомства, начинал свою службу и только что выпущенный из лицея Пушкин — вероятно, именно в тот период они и познакомились, положив начало многолетней дружбе. Впрочем, служебная карьера Алексея Ираклиевича развивалась в ином русле: административном и военном.

Все изменило назначение секретарем Оренбургской пограничной комиссии. Эта структура отвечала за управление сложными приграничными территориями, соседствующими с казахскими степями. Именно здесь, в глубине Азиатского департамента, у Левшина вспыхнул подлинный интерес к краю. Сначала архивы, затем — первая экспедиция 1820 года. Кабинетная работа быстро наскучила: Левшина тянуло в степь, к людям, чьи быт и нравы он хотел изучить не по бумагам, а воочию. Позже, уже в статусе чиновника МВД, он превратит эти наблюдения в полноценные научные труды.

Особая глава в его исследованиях — Уральск. Левшина искренне занимало местное казачество: общение с атаманами, старшинами и простыми казаками дало ему материал для живой летописи края. Итогом стал выход статьи «Историческое и статистическое обозрение (земля и состояние) Уральских казаков» (1823 г.). Работа, опубликованная в журнале «Северный архив», произвела настоящий фурор, надолго сохранив статус ключевого источника по теме [Галиев, 134]. В 1824 году последовало описание городища Сарайчик, а год спустя — труд «О просвещении киргиз-кайсаков», где Левшин поднял ряд вопросов, ранее игнорируемых исследователями.

Будучи просветителем, Левшин одним из первых начал настаивать на доступности народного образования. Идеи декабристов о социальном прогрессе были ему близки: круг его общения всегда состоял из вольнодумцев. Даже став одесским градоначальником в 1831 году, он не прервал старых связей — напротив, они лишь укрепились за счет контактов с членами Южного общества. Пушкин, со своей стороны, пристально следил за работами приятеля: для своего журнала «Московский вестник» поэт неизменно просил присылать все новые статьи Алексея Ираклиевича.

Главным делом жизни Левшина стала работа «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», опубликованная в 1832 году. Это был прорыв: в отечественной историографии произведение стало первым столь масштабным и системным исследованием казахского народа. Левшин отошел от сухих рамок, превратив книгу в энциклопедию степной жизни. В ней он детально реконструировал родоплеменную структуру жузов, сопроводив ее очерками об обычаях, праве и роли биев — судей, выступавших арбитрами в любых спорах. Экономике края он также увидел глубже, чем его современники:

Левшин доказывал, что она опиралась не только на кочевое скотоводство, но и на вполне развитые торговые и ремесленные связи.

Левшин вошел в историю не как кабинетный теоретик. В отличие от большинства чиновников той поры, он ставил во главу угла личный опыт. Его фундаментальный труд 1832 года об оренбургских степях — это не просто перечень сведений, а попытка понять логику казахского социума «изнутри». Он детально прописывал структуру жузов, быт, правовые нормы и роль судей-биев. При этом Левшин не был слеп к экономике: он видел, что жизнь региона держится не только на кочевом скотоводстве, но и на вполне живой торговле.

Его подход к географии был нетипичным. Левшин рассматривал реки — от Иртыша до Сырдарьи — не как топографические точки, а как транспортные коридоры, жизненно важные для имперских интересов. При этом он оставался сторонником «мягкой» интеграции, постоянно твердя: не будет мира в степи, если не будет уважения к местным традициям. Именно за этот взгляд на Восток, свободный от имперского снобизма, Чокан Валиханов спустя годы назвал его «Геродотом степи».

Ценность этого труда — в его «полевом» происхождении. Большая часть записей была сделана в 1820–1822 годах, когда Левшин служил секретарем Оренбургской комиссии. Он писал просто, без лишней академической тяжеловесности, стремясь быть понятным самому широкому кругу читателей. Позже, уже на посту в МВД и Министерстве государственных имуществ, он принял активное участие в подготовке реформы 1861 года. Скончавшись в 1879 году, Алексей Ираклиевич оставил после себя наследие, которое и по сей день является базовым чтением для историков, изучающих Казахстан.

Заключение. Наследие декабристов

После 1825 года Уральская область и Западный Казахстан стали местом ссылки для многих декабристов. Эти люди, обладавшие широким кругозором и энциклопедическими знаниями, не замкнулись в себе — они фактически выступили агентами модернизации края. Наука, быт, медицина — их след виден практически во всех сферах. С них, по сути, началась системная организация врачебной помощи в регионе. Ссылные обучали местных медиков и знахарей основам санитарии, настойчиво внедряя практику борьбы с эпидемиями. Для степных районов, где вспышки болезней долгое время считались фатальным бедствием, это стало настоящим прорывом в качестве жизни.

Степень вовлеченности ссылных в дела края впечатляет. Знание европейских агротехнологий позволило им предложить новые методы ведения сельского хозяйства, что сказалось на продуктивности земледелия. Они стали «деловым мостом», соединившим интересы местной администрации и интересы жителей. Лоббирование товарообмена, планирование караванных троп, выстраивание логистики — эти усилия постепенно интегрировали разрозненные районы в единую экономическую сеть, заложив фундамент региональной торговли.

Политические взгляды самих декабристов при этом оставались неизменными: они рассматривали присоединение Средней Азии и Казахстана к России как историческую необходимость. Для ссылных это не было актом экспансии в чистом виде. Скорее, они видели в таком союзе способ вытянуть народ из изоляции, предложить ему путь к прогрессу и цивилизационному росту.

Научная подготовка большинства ссылных оказалась едва ли не лучшим, что случалось с изучением Казахстана в ту эпоху. Они принципиально сменили парадигму: вместо поверхностных донесений — детальные карты степных долин, рек и горных хребтов. Именно эти прикладные изыскания в области геологии и топографии сформировали ту базу, на которой позже выросли крупные научные экспедиции. Вдобавок ко всему, первооткрыватели буквально наткнулись на богатые месторождения золота и меди, тем самым резко подняв экономический вес края в глазах столичных чиновников.

Параллельно шло просвещение. Ссылные организовывали стихийные школы, обучая местную молодежь математике и грамоте, открывали первые библиотеки. Эти инициативы стали своеобразным катализатором: культурная идентичность казахского общества получила мощный стимул к развитию. Значимым проектом стали и переводы — классика русской и мировой литературы зазвучала на казахском, создав тот самый фундамент для будущего расцвета национальной науки.

В быту декабристы демонстрировали редкое для имперских чиновников уважение к степному укладу. Искренний интерес к фольклору и народным традициям не прошел даром: между ними и коренными жителями возникли доверительные отношения. Именно эта взаимная симпатия превратила вчерашних ссылных в эффективных дипломатов. Выступая посредниками в спорах между местными ханами и российской администрацией, они регулярно гасили очаги конфликтов, выступая интеллектуальным буфером.

Подводя итог: пребывание декабристов в Казахстане нельзя назвать случайным эпизодом. Это был осознанный драйвер модернизации. Степная окраина на глазах превращалась в регион с развивающейся экономикой и наукой. Они не ограничивались декларациями о гуманизме — они внедряли эти идеи в

ежедневную практику, создав наследие, актуальность которого ощутима и сегодня. Ведь их пример — это напоминание о том, что стремление к свободе и просвещению не знает преград, даже если условия жизни крайне далеки от идеальных.

Оглядываясь назад, на два века отделяющих нас от того морозного утра на Сенатской площади, мы видим не просто мятеж. Мы видим рождение гражданского мужества, основанного на личной ответственности перед совестью и народом. Да, декабрьское восстание потерпело поражение, но в исторической перспективе оно стало чем-то большим — великим нравственным подвигом. Разрушенные судьбы, каторга, следственные дела... Весь этот трагизм русской интеллигенции, искавшей путь к справедливости, навсегда разделил имперскую эпоху на «до» и «после».

Это поколение стало первым, для кого понятия чести, слова и долга перед Отечеством перестали быть декларативными лозунгами, превратившись в единственный жизненный ориентир. Офицеры и поэты, инженеры и юристы — все они были воспитаны на высоких идеалах Просвещения. В их головах жила вера в торжество закона и разумное устройство общества. И пусть их мечты разбились о государственную машину, сам факт их существования навсегда изменил российское общество. Декабристы доказали: власть не может вечно оставаться безответственной, а народ — безгласным.

Судьбы их трагичны, но в них нет поражения духа. В суровой Сибири, вдали от столиц, декабристы продолжали служить людям — учили крестьян грамоте, лечили, строили школы, открывали библиотеки. Их жёны, добровольно последовавшие за мужьями, явили пример беспримерного женского подвига и верности.

Через сто лет после тех событий Россия вновь искала свой путь. И снова вопрос о свободе и человеческом достоинстве вставал во весь рост. Сегодня, спустя два столетия, значение декабрьского восстания не уменьшилось. Напротив, с каждым поколением оно обретает новые смыслы: как напоминание о том, что идея свободы требует не только мужества, но и жертвенности; что верность убеждениям — одно из самых высоких проявлений человеческого духа.

Сенатская площадь — не просто место памяти. Это символ начала движения русского общества к гражданскому самосознанию. Здесь, у застывшей в бронзе фигуры Петра Великого, родилась первая попытка сказать властям правду. И в этом — её вечная значимость.

Декабристы не свергли трон, но они изменили историю. Их слова, письма, стихи и письма из ссылки до сих пор звучат как урок мужества и совести.

Двести лет спустя Россия продолжает диалог с ними — с теми, кто в морозный декабрьский день 1825 года выбрал путь правды, а не покорности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Декабристы. Биографический справочник. Под ред. академика М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. — 447 с.
- [2] Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 152 с.
- [3] Черейский Л.А. *Современники Пушкина. Документальные очерки.* М., 1999, с.
- [4] Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 5. Романы. Повести. Прим. С.М.Петрова. Оформл. худ. М. Шлосберга. М., «Худож. лит.», 1975. — 576 с.
- [5] Розен А.Е. Записки декабриста. — Издание подготовлено Г.А.Невелевым. — Иркутск: Восточно - Сибирское книжное издательство, 1984. — 480 с., ил. — (Серия «Полярная звезда»)
- [6] Галиев В.З. Г.С. Карелин в Казахстане // История, философия, экономика: Сборник статей. Алма-Ата, 1963. С. 237. 6 ООЛ, ф. 6, он. 10, д. 3432, л. 1.
- [7] Русский биографический словарь. Спб., 1914.
- [8] Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Том 2. Сочинения. — Издание подготовлено С.В.Житомирской и С.В.Мироненко. Иркутск: Вост.-Сиб. изд., 608 с., ил. — (Серия «Полярная звезда»)
- [9] Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Том 1. Записки и письма. — Издание подготовлено Н.В. Зейман и В.П. Шахеровым. Иркутск: Вост.-Сиб. изд., 1982, 432 с., ил. — (Серия «Полярная звезда»)
- [10] Нечкина М. В. *Движение декабристов.* — М.: Наука, 1955. — Т. 1–2.
- [11] Ефимов А. Н. *Декабристы и Сибирь.* — М.: Наука, 1977. — 384 с.
- [12] Бушкович П. *История России. 1682–1825.* — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 528 с.
- [13] Шумилов А. Н. *Декабристы в Оренбургском крае.* — Оренбург: Изд-во ОГУ, 2001. — 216 с.
- [14] Герасимова Н. Ю. *Память о декабристах в культурной традиции России XIX–XX вв.* — СПб.: Алетейя, 2012. — 312 с.
- [15] Архив Оренбургской губернии. Ф. 6, оп. 10, д. 3432, л. 1–5. (Материалы о пребывании декабристов на территории Уральского и Оренбургского края).

REFERENCES

- [1] Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik. Podred. Arademika M.V.Netchkinoi. M.: Nauka, 1988. –447 s. [in Russian]
- [2] Galiyev V.Z. Dekabristyi Kazakhstan. – Alma-Ata: Gylmy, 1990. – 152 s. [in Russian]
- [3] Chereysky L.A. *Sovremenniki Pushkina. Dokumentalnye ocherki. M., 1999, 270 s.* [in Russian]
- [4] Pushkin A.S. Sobraniye sochineniy. V 10-titomah. T. 5. Romany. Povesti. M., «Khudozhest. lit.», 1975. – 576 s. [in Russian]
- [5] Rozen A. E. Zapiski dekabrista. Podgotov. G. A. Nevelevem. — Irkutsk: Vost.-Sib.izd., 1984. – 480 s. – (Seriya «Polyarnaya zvezda»).
- [6] Galiyev V.Z. G. S. Karelin v Kazakhstane // Istoriya, filosofiya, ekonomika: Sbornik statey. Alma-Ata, 1963. S. 237. 6 OOL, f. 6, on. 10, d. 3432, l. 1. [in Russian]
- [7] Russkiy biograficheskiy slovar. Spb., 1914. [in Russian]
- [8] Fonvizin M.A. Sochineniya i pisma. Tom 2. Sochineniya. – Izdaniye podgotovleno S.V.Zhitomirskoyi S.V.Mironenko. Irkutsk: Vost.-Sib. izd., 1982. – 608 c. – (Seriya «Polyarnaya zvezda»)
- [9] Штейнгель В.И.. Сочинения и письма. Том 1. Записки и письма. – Издание подготовлено Н.В. Зейман и В.П. Шахеровым. Irkutsk: Vost.-Sib. izd., 1982. – 432 c. – (Seriya «Polyarnaya zvezda»)
- [10] Nechkina M. V. Dvizheniye dekabristov. — M.: Nauka, 1955. — Т. 1–2.
- [11] Герасимова Н. Ю. Память о декабристах в культурной традиции России XIX–XX вв. — СПб.: Алетейя, 2012. — 312 с.
- [11] Efimov A. N. Dekabristy i Sibir'. — M.: Nauka, 1977. — 384 s.
- [12] Bushkovich P. Istorija Rossii. 1682–1825. — M.: Noye literaturnoye obozreniye, 2014. — 528 s.
- [13] Shumilov A. N. Dekabristy v Orenburgskom krae. — Orenburg: Izd-vo OGU, 2001. — 216 s.
- [14] Gerasimova N. Ju. Pamjat' o dekabristah v kul'turnoj tradicii Rossii XIX–XX vv. — SPb.: Aleteija, 2012. — 312 s.
- [15] Arhiv Orenburgskoy gubernii. F. 6, op. 10, d. 3432, l. 1–5. (Materialy o prebyvanii dekabristov na territorii Ural'skogo i Orenburgskogo kraja).

Мукашев Б.А.

ДЕКАБРИСТЕР ОРАЛ ӨңІРІНДЕ

Аңдатпа. Бұл зерттеудің тақырыбы-жер аударылған декабристер Орынбор губерниясында (негізінен қазіргі Орал облысының шекараларында) XIX ғасырдың екінші ширегінде қалдырған із. В.Д. Вольховский, а. о. Корнилович, А. А. Жемчужников, г. С. Карелин және А. и. Левшин өмірбаяндарының призмасы арқылы олардың аймақтағы күнделікті және әлеуметтік белсенділігінің ерекшелігі ашылады. Жұмыстың басты міндеті-бұл қозғалыстың қазақ қоғамының әлеуметтік эволюциясындағы нақты рөлін анықтау. Олардың қатысуы ұлттық зиялы қауым мен демократиялық институттардың пайда болуына қалай түрткі болды? Біз тарихнамалық олқылықтардың медицинаға, өлкетануға, ағартушылыққа және сауда маршруттарын құруға қосқан үлесін бағалау арқылы өтеуге тырыстық. Азаматтық теңдік пен гуманизм идеяларын жергілікті ортаға таратуға ерекше назар аударылады. Сайып келгенде, бұл орыс дәстүрлері мен дала стилі арасындағы мәдени диалог күшті катализатор болды. Декабристердің еңбегі өлке туралы ғылыми білімді байытып қана қоймай, Орал мен Қазақстанның біртұтас тарихи-мәдени орбитаға интеграциялануын жеделдетіп, қоғамдық сананың жаңа векторларын белгіледі.

Кілт сөздер: оқу, тілдік құзыреттілік, тілдік емес мамандықтар, оқыту әдістемесі, лексика-грамматикалық дағдылар.

Mukashev Bulat

DECEMBRISTS IN URALSK REGION

Annotation. The article focuses on the exile and activities of the Decembrists in the Orenburg province, particularly in the Ural region, during the second quarter of the 19th century. It examines the biographies and public initiatives of V.D. Volkhovsky, A.O. Kornilovich, A.A. Zhemchuzhnikov, G.S. Karelin, and A.I. Levshin, whose destinies were closely connected with this area. The purpose of the study is to identify the role of the Decembrist movement in the development of Kazakh society, the formation of democratic institutions, and the emergence of a national intelligentsia. The article analyzes the contribution of exiles to education, culture, medicine, trade relations, and regional studies, many of which had previously remained little explored. Special attention is paid to the dissemination of ideas of freedom, civic equality, and humanism, as well as to the significance of cultural dialogue between Russian and Kazakh traditions. The study demonstrates that the Decembrists' activities became an important factor in integrating the Ural and Kazakhstan into the broader Russian

historical and cultural process, expanding scientific knowledge, and shaping new directions of public consciousness.

Keywords: Decembrists; exile; Ural region; penal servitude; secret society; Russian policy in Central Asia; history and culture of Kazakhstan; economic relations; integration; natural resources; ethnography.